

УДК 82
Ш 59

Академия культуры и искусств:
ведущие ученые, педагоги, творцы



Николай Петрович ШИЛОВ



Материалы
к биографии

*В. Я. Рушанин,
ректор Челябинской государственной академии
культуры и искусств*

СЛУЖЕНИЕ КУЛЬТУРЕ

Николай Петрович Шилов относится к тем, кого называют ключевыми фигурами. У меня особое отношение к этому удивительному человеку.

9 апреля 2002 г. Министерство культуры России приказом утвердило меня ректором академии, а 12 апреля Николаю Петровичу исполнилось 55 лет, и мы его поздравляли с этой датой – хотя и не круглой, но очень символической. Моя работа в академии началась, по сути, с этого поздравления.

Мне уже тогда был понятен масштаб личности Николая Петровича, было ясно, что он не просто талантливый, глубокий человек, настоящий вузовский преподаватель, глубочайший профессионал – это всё не подвергалось сомнению. С самого начала мне была симпатична его внутренняя интеллигентность, его неброскость, отсутствие у него агрессивности, проталкивания своих каких-то идей, интересов. Даже квартиру мы ему предложили сами.

Это был стиль Николая Петровича и как заведующего кафедрой, которой он руководил более 20 лет. Он отстаивал интересы кафедры и своих преподавателей чрезвычайно интеллигентно, чрезвычайно корректно, в такой, если хотите, просительной манере, что ему всегда было очень сложно отказать. Николай Петрович никогда не просил за себя. У него этого просто не было.

Несколько раз мы с ним решали вопросы издания книг. Но в основном это были не его книги, а книги его соратников и учителей. И мне это тоже было приятно, потому что мы помогали делу культуры, поэзии, которым он служил.

Николай Петрович был профессором с ваковским дипломом, заслуженным работником культуры России, но когда в академии начали менять таблички и установка ректората была в том, чтобы были указаны все регалии, Николай Петрович настоял (и в этом не было какого-то кокетства, игры), чтобы у него было указано просто «заведующий кафедрой, профессор Шилов». Я вначале не соглашался, думал, что это важно не только для человека, но и для кафедры, для студентов, но потом понял, что, видимо, это было для него абсолютно органично.

Не думаю, что у Николая Петровича не было честолюбия, что ему было неприятно получать награды (ведь он получил очень высокие, в том числе литературные, награды), но никогда это не было связано с агрессией, с выпячиванием собственного «я». Скорее всего, это связано с состоянием «тихой радости», которую так ценят настоящие интеллигенты.

Мне как руководителю было приятно видеть, что деятельность Николая Петровича не ограничивается рамками кафедры, факультета, что он ведёт очень серьёзную работу в городе и области. Его часто приглашали на семинары и за пределы области, и это, с одной стороны, являлось подтверждением его высокого профессионализма, а с другой стороны, свидетельствовало о масштабе его личности. И проводя крупные городские, областные мероприятия, он всегда старался остаться «за кадром». Это свойственно не всем режиссёрам. Он никогда не бил себя в грудь, не пытался потусоваться со знатными, именитыми гостями, всегда был в стороне, всегда старался быть незаметным. Это не ложно понимаемая скромность, а показатель внутренней порядочности и чистоты человека.

Николай Петрович был детским поэтом. Я знаю, что не все поэты любят такую градацию, но мне кажется, это определяло его суть и состояние души, его взгляд на мир. Я не

скажу, что это был взгляд ребёнка. Это взгляд мудрого человека, но человека, который сохранил детскую чистоту, непосредственность, детское восприятие добра и зла, и это очень отличало Николая Петровича от многих представителей и вузовской корпорации, и, наверное, писательской тоже.

Не могу не отметить одно качество, чрезвычайно редкое в наше время. За многие годы работы и плотного общения – не только делового – я не слышал, чтобы Николай Петрович отозвался о ком-то резко отрицательно, даже когда ситуация была однозначной и человека было за что осуждать, Николай Петрович воздерживался от резких оценок – он просто пожимал плечами, выражая свою позицию. В нём не было злорадства, попытки показать, насколько далеко он смотрит вперёд, что он уже давно знал, что такая ситуация будет, что этот человек не очень хороший, – такая щадящая манера чрезвычайно редка в наше время.

Мне посчастливилось общаться с Николаем Петровичем не только в стенах академии, на кафедре, но и в Бутаках, где у него была любимая дача. И это садовое, дачное общение лишь укрепило мнение о нём как о человеке – не рваче. В нём не было качеств хозяина-добытчика в традиционном смысле слова. Для него дача – место отдохновения, где он своими руками, может быть, не всегда умело, пытался сделать дренажную систему, забор, свой дом. Ему не хотелось поразить кого-то роскошью или элементами успеха в жизни (которые сегодня так часто прорываются у людей). Скромность, порядочность, отсутствие рвачества, отсутствие стремления показать свою уникальность проявлялись и здесь.

Николай Петрович любил книги, любил людей. Я восхищался его отношениями с супругой, Валентиной Васильевной. Они прошли вместе через многие десяти-

летия. Мне было чрезвычайно приятно видеть их желание помочь детям, и отношение детей, в частности Дениса, который сегодня является ведущим российским историком, – к родителям. К отцу, к памяти о нём...

Учёный совет академии принял решение об учреждении стипендии имени профессора Николая Петровича Шилова. Мы готовим мемориальную аудиторию, выходит книга, посвящённая ему.

Это важно, но главное то, что память о Николае Петровиче, удивительном человеке, интересном исследователе и талантливом поэте, сохранится не только на кафедре, факультете, – её несут сотни его учеников, которые с потрясением восприняли весть о кончине Николая Петровича и, безусловно, будут помнить об этом удивительном человеке, пока работают, пока живут.